

УДК 821.161,1.09+929

ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71

Б. Ю. Норман
Минск, Беларусь

B. Yu. Norman
Minsk, Belarus

ПОЛИЛОГ: РЕЧЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ

POLYLOGUE: SPEECH REALITY AND LITERARY TECHNIQUE

Аннотация. Статья продолжает дискуссию об особом статусе полилога – одновременного говорения нескольких коммуникантов. Приводятся многочисленные примеры из драматургических и прозаических произведений русской литературы (А. Чехов, Ю. Олеши, В. Аксенов, Л. Улицкая и др.), демонстрирующие важную роль полилога как литературного приема. Рассматривается ситуация полилога в реальном устном общении, описываются ее условия и делается вывод, что она не соответствует правилам успешного общения. Полилог свидетельствует прежде всего о разобщенности коммуникантов.

Ключевые слова: полилог, говорящий, литературный прием, смысловая несогласованность реплик, разобщенность коммуникантов.

Сведения об авторе: Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет (Минск).

E-mail: boris.norman@gmail.com

Abstract. The article continues the discussion on the special status of polylogue – simultaneous speaking of several communicants. There are numerous examples from dramatic and prose works of Russian literature (A. Chekhov, Yu. Olesha, V. Aksyonov, L. Ulitskaja etc.), demonstrating the important role of polylogue as a literary technique. We consider the polylogue situation in real oral communication, and we describe its conditions and conclude that it does not meet the rules of successful communication. Polylogue indicates first of all disunity of communicants.

Key words: polylogue, speaker, literary technique, semantic inconsistency of replicas, disunity of communicants.

About the author: Norman Boris Yustinovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University (Minsk).

В статье показывается, как признаки полилога (тематические перескоки, сложное взаимодействие реплик, разрыв диалогических единств, особый вид линейного развертывания и др., описываемые в лингвистической литературе и замечательно точно охарактеризованные Ю. Олешей: «Нужно попробовать применить в пьесе обыкновенную человеческую речь – рваную, заикающуюся речь, с мгновенным перескакиванием с одной темы на другую») используются как литературный прием, чтобы показать разобщенность героев. Конечно, не всегда и не все коммуниканты – участники полилога разобщены, и взаимоотношения между персонажами могут быть значительно сложнее, чем просто разобщенность. Однако, по нашим наблюдениям, именно данный литературный прием интересен и представляет со-

бой достойный объект лингвистического анализа.

В центре данной небольшой статьи – феномен полилога. Это ситуация, при которой в устном разговоре участвует несколько коммуникантов, и каждый говорящий развивает свою тему. Цитирую для начала фрагмент из эссе Юрия Олеша «Работа над пьесой»:

Нужно попробовать применить в пьесе обыкновенную человеческую речь – рваную, заикающуюся речь, с мгновенным перескакиванием с одной темы на другую.

Обедают.

М у ж (к Маше). Ты что, подстриглась?

М а ш а . А ты разве не видел? Вчера.

М у ж . Доктор Гурфинкель совсем... того...

Отец. Осторожно, Маша, ляпнешь на скатерть.

Я всегда говорил, что он сумасшедший.

М а ш а . А не коротко подстриглась?

О т е ц . Что это значит – театральный врач?

М у ж . Он вчера целую ночь просидел на бульваре. Почему у нас никогда нет спичек?

М а ш а . Вы придираетесь к нему. Он очень хороший. Я только что видела спички.

О т е ц . Смотри, кисель все-таки густой получился.

И т.д.

Попытки передать реальный разговор «с перескакиванием с одной темы на другую» были представлены в русской литературе еще в начале XX в. Так, в рассказе Н. Тэффи «Семейный аккорд» изображается беседа в кругу семьи из трех человек. Приведу и здесь только краткий фрагмент:

Дочка моет чайные ложки и говорит, поворачивая голову к буфету:

– С одной черной шляпой всю зиму! Покорно благодарю. Я знаю, вы скажете, что еще прошлогодняя есть. В вас никогда не было справедливости...

– Десятка, пятерка, валет... Вот, зачем пятерка! Не будь пятерки, – валет на десятку, и вышло бы. Не может быть, чтобы они, зная, что я уезжаю, и, опять-таки, получивши задаток...

– А Зиночка вчера, как нарочно, говорит мне: «А где же твоя шляпка, Сашенька, что с зеленым пером? Ведь ты, говорит, хотела еще с зеленым купить?» А я молчу в ответ, хлопаю глазами. У Зиночки-то у самой десять шляп.

– Так и сказал: «Если вы, Иван Матвеевич, надумали взять отпуск именно теперь, то что именно будете вы...»

– Одна шляпка для свиданий, одна для мечтаний, одна для признаний, одна для купаний – красная. Потом с зеленым пером, чтоб на выставки ходить.

– Врут карты. Быть не может. Разложу еще. Вон сразу две семерки вышли. Десятка на девятку... Тут сюда... Вот этот пасьянс всегда верно покажет.

А вот пример из литературы 60-х годов XX в. Процитирую начало полилога из пьесы В. Аксенова «Пора, мой друг, пора...»:

– На Гавайских островах любимый спорт – плавание по волнам на доске. Безумно сложная штука, – говорил Олег.

– Я помню, был на соревнованиях во Львове. Так вот, выдали нам талоны на питание, а мы с Гошей Масловым... – рассказывал Эдуард.

– Таня, у тебя в Москве много подруг? – спросил Миша.

– Наш режиссер тиран, невозможный тип, – жаловалась Таня...

Вообще в русской литературе это традиция, идущая от А. П. Чехова. Разобщенное говорение свойственно, например, персонажам «Вишневого сада» и «Трех сестер». И неслучайно, что в современной пьесе Л. Улицкой «Русское варенье», написанной по мотивам чеховских пьес, прием полилога – яркий сигнал, отсылка к классику. Примером может послужить одна из двух интермедий этой пьесы:

– Осторожно! Уборная не работает!

– Где эти битые яйца?

– Это медсестра пришла делать Константиனு укол.

– Надо вызвать мастера по ремонту пишущих машинок! Это катастрофа! Я не могу работать!

– Он не работает!

– Она не работает!

– Я работаю как ломовая лошадь!

– Не надо идеализировать прошлое!

– Не надо идеализировать будущее!

– Вы серо живете, вы много говорите ненужного!

– Дача разваливается! Ну неужели никто ничего не сделает?

И т.д.

Один из фильмов Киры Муратовой – «Увлеченья» – начинается с встречи нескольких человек – пациентов и посетителей больницы – в больничном саду на взморье. Это жокеи, цирковые артисты, медсестра – и каждый говорит «сам по себе» (или сам с собой), вставляя иногда в свою речь специальные термины, но зрителю неясны и даже не очень слышны эти реплики. Это лишь знак общения, а не само общение – и если так, то не все ли равно зрителю, о чем люди говорят? Данный прием в практике кинопроизводства называется гургуром: герои о чем-то говорят, но слов зритель разобрать не может. Звукорежиссеры в таких случаях часто прибегают к помощи аудиобиблиотек с уже записанным «гулом толпы».

В театре также существует постановочный прием: в сценах, когда надо изобразить шумящую толпу, актеры массовки произносят одну и ту же фразу: «О чем говорить, когда не о чем говорить?» Это тоже своего рода полилог и, вместе с тем, – явный шаг в сторону театра абсурда: общение как такое, как знак, но лишенный содержания.

В реальной жизни речь нескольких человек, объединенных общим пространством, может протекать одновременно. В драматургических текстах данная возможность отражается редко, с помощью ремарки: «Говорят

одновременно», или «Вместе», или даже посредством фигурной скобки, объединяющей реплики. Обычно же реплики персонажей располагаются в тексте последовательно, и только по их смысловой несогласованности мы понимаем, что перед нами – полилог.

Ситуация полилога используется в прозаических или драматургических текстах с особой целью – как правило, чтобы показать внутреннюю разобщенность участников коммуникации. И если понимать под полилогом именно литературный прием, то он, очевидно, должен гиперболизировать явление, укрупнять его, чтобы оно лучше выделялось на фоне обычной речи.

Смысловая несогласованность реплик коммуникантов – первый и важнейший признак полилога. Суть данной речевой ситуации не только в том, что каждый участник разговора придерживается своей темы и своего модуса общения, но и в том, что никто никого не слушает. Соответственно, соседние реплики должны быть тематически максимально удалены друг от друга (иначе читатель или зритель может не почувствовать приема). По объему же реплики должны быть по возможности невелики – чтобы их смысловая несогласованность была очевидной (иначе можно подумать, что это чередующиеся монологи).

Еще одна структурная особенность полилога как литературного приема заключается в том, что его участников должно быть более двух. Дело в том, что если участников всего двое и каждый в разговоре ведет свою линию, то поведение собеседника может восприниматься как сознательный уход от темы (чреватый конфликтом) или же переход на особый код – тайный язык. Пример ухода от темы:

- Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.
- Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.
- Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?
- Что-то не по сезону холодная погода нынче, – сказал Холмс.
- Что она говорила вам? – злобно закричал старик.
- Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.
- Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом... (К. Дойль. Пестрая лента; пер. М. и Н. Чуковских).

Пример перехода собеседников на особый код (язык с тайными смыслами):

... Карина зашла к хозяйке и завела с ней несколько туманный, но вполне понятный обоим разговор.

– Красивая у вас беседка, – сказала она, – поглядывая в окно.

– Кто же его знает, – сказала хозяйка. – Он ведь сегодня не ночевал.

– В Сочи веселее, но плохой пляж, – сказала Карина раздраженно.

– Может, еще и вернется, – сказала хозяйка.

– Но компания там замечательная. И потом гора Ахун...

– Да, он парень видный, – согласилась хозяйка (Ю. Алексеев. Бега).

Перечисленные условия (тематическая удаленность реплик друг от друга, их краткость и количество участников) никем строго не регламентированы, но в своей совокупности они и формируют предпосылки полилога.

Что же касается обыденного устного общения, то полилог – реальность, на которую даже не всегда обращают внимание (либо списывают ее на те или иные обстоятельства). Условиями, порождающими такую ситуацию в реальной коммуникации, могут быть: а) несоблюдение правил речевого этикета; б) психологическая несовместимость собеседников: разный темперамент, степень возбужденности или равнодушия, состояние эйфории и т.п.; в) некомфортные обстоятельства коммуникации (внешний шум, «эффект толпы», слабость лидера-модератора, организующего общение, и т.п.). Характерные проявления таких условий мы можем сегодня наблюдать в российских телевизионных ток-шоу, например, в передаче Андрея Малахова «Пусть говорят» на канале ОНТ. Участники полилога в реальном устном общении озабочены только выражением собственной позиции, и свою тему они развивают исключительно с учетом собственных потребностей. Присутствие второго (или третьего и т.д.) участника – это лишь фон, образно говоря, та «стенка», о которую учится отбивать мячи начинающий теннисист.

Но разве «эгоцентризм говорящего» [1 : 14] не проявляется также в диалогах? Более того, диалог ведь в принципе тоже может объединять более чем двух беседующих, ср. определение диалога в толковом словаре:

ДИАЛОГ – Разговор между двумя или несколькими лицами [2].

Чем же принципиально отличается полилог от диалога?

По-видимому, дело тут в особенностях организации текста. Можно согласиться с болгарским исследователем Ц. Йотовым, который считает, что монолог, диалог и полилог различаются не столько по признаку «количества участников общения (один, два, много), а в зависимости от степени организованности их совместной деятельности. Из этого следует, что монологизирование имеет место и при организации взаимодействия многолюдных коммуникативных систем, а полилог и диалог – при общении человека с самим собой» [3 : 45].

А О. А. Лаптева замечает: «Монолог отличается от диалога не столько структурно, сколько объемно: время его осуществления позволяет ему развернуться с привлечением большего числа языковых элементов, чем у диалога с его преимущественно краткими репликами. <...> Возникают благоприятные возможности для появления несистемной омонимии» [4 : 19]. Поэтому в монологе, по ее мнению, больше предпосылок для неточностей в выражении речи, для коммуникативных неудач. Полилог же фактически, по самому своему статусу, есть коммуникативная неудача. Это стоит пояснить.

Мысль человека ассоциативна и произвольна, и если ничто не мешает ее свободному полету, то она бесконечна. Соответственно, при переводе из внутренней речи во внешнюю она подчиняется своей логике и своей эстетике. Конечно, поток сознания не может найти адекватное выражение в словах, но в случае с говорящим-экстравертом монолог, действительно, может быть сколько угодно длинным: он воплощает в себе все направления, закоулки и оттенки мысли, все богатство впечатлений и эмоций. Непрерывность тут – гарантия свободы и полноты выражения. Вот как пишет об этом современный прозаик:

Ведь тут одно лукавство, будто бы настоящее человеческое общение – это когда измученная душа говорит, а потом слушает, а потом опять говорит; настоящее человеческое общение – это когда твоя измученная душа безостановочно говорит (В. Пьецух. Письма к Тютчевой).

Монологическая речь способна к саморазвитию, ее последовательность определяется внутренним миром говорящего и той ситуацией, в которой совершается речевой акт. Она даже не нуждается в слушателе,

свидетельством чему служат классические образцы ораторского искусства.

Почему же тогда случаи полилога, когда они имеют место в реальной жизни, плохо оцениваются носителями языка? Потому что в наивном сознании заложена изначальная установка на обмен информацией – рациональной или эмоциональной. Именно примат коммуникативной функции отдает психологическое предпочтение диалогу перед монологом. Дело не в длине порождаемого текста, а в том, есть ли на него реакция, каков от него эффект. Л. П. Якубинский, развивая мысль Л. В. Щербы, писал о том, что естественная («природная») форма использования языка – это диалог. Развитие диалога основывается на связи между репликами; монолог же «представляет собой определенную композиционную сложность» [5 : 36]. Позже, как известно, эта идея была абсолютизирована М. М. Бахтиным в его теории речевых жанров: «Диалог по своей простоте и четкости – классическая форма речевого общения» [6 : 250]. В другой же своей работе ученый писал: «Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее *безответности*» [Там же : 306].

В одной из свежих работ, посвященных интересующему нас феномену, – статье Э. Б. Яковлевой – мы читаем: «Полилог представляет собой коммуникативный речевой акт, с одной стороны, как в диалоге, рассчитанный на обязательность реакции, с другой стороны, не претендующий в силу своеобразия некоторых реплик на возможную реакцию со стороны всех партнеров, за исключением одного или нескольких» [7 : 86]. С нашей точки зрения, как раз необязательность реакции, неважность ее для говорящего, и отличает полилог от диалога.

Полилог нарушает логику коммуникации, основные правила общения. Структура его, с одной стороны, примитивна (это чередование независимых реплик), а с другой – непредсказуема: тут каждый коммуникант поглощен собой, своими собственными мыслями и эмоциями. В народном представлении такое псевдообщение («диалог глухих») оценивается отрицательно и в фольклоре высмеивается («Здорово, кума! – На рынке была. – Аль ты глуха? – Купила петуха» и т.д.). Именно поэтому полилог становится объектом художественного творчества: это способ показать разобщенность коммуникантов.

Представление о коммуникативной функции как первичной и основополагающей для

возникновения, функционирования и развития языка поддерживается и лингвистами. Американский социолингвист Уильям Лабов, известный своими тонкими наблюдениями, пишет: «...Язык используется человеческими существами лишь в социальном контексте для сообщения друг другу потребностей, мыслей и чувств. ...Мало кто из людей занят подолгу беседами с самим собой. Сомнительно, относятся ли к языку предложения, которые никому ничего не сообщают» [8 : 96]. В свете сказанного неудивительно, что ситуация полилога плохо оценивается не только в этическом плане, но и в интеллектуальном. Одновременное говорение непродуктивно в информационном отношении, это значит – сомнителен его перлокутивный эффект. Полилогическое общение также асоциально, ибо не учитывает ни личность слушающего, ни, как уже говорилось, его реакцию. Можно сказать, что истина в данном случае глаголет устами юмориста, изрекшего: «Монолог мудреца – это диалог с самим собой, а диалог дураков – это два монолога» (М. Мелихан). Два (или три и более) монолога – вот чем, по существу, является полилог.

Однако подчеркнем еще раз: полилог как литературный прием имеет под собой веские основания. Это – действенный способ выявить и подчеркнуть разобщенность коммуникантов, их эгоизм и плохую совместимость с окружающей средой (а, может быть, еще и повышенную эмоциональность, низкую речевую культуру и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. In : *Language and Dialogue*. 2: 2. 2012. John Benjamins Publishing Company. Pp. 216–243.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Йотов Ц. Диалог в общении и обучении. София : Народна просвета, 1979. 128 с.
4. Лантева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 416 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Норман Б. Ю. Полилог : речевая реальность и литературный прием // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 68–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71

5. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М. : Наука, 1986. С. 17–58.

6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М. : Искусство, 1979. 424 с.

7. Яковлева Э. Б. Полилог : третья форма речи? // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2007. № 1. С. 82–89. Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/polilog-tretya-forma-rechi>

8. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // *Новое в лингвистике*. Вып. VII. М. : Прогресс, 1975. С. 96–181.

REFERENCES

1. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. *Language and Dialogue*. 2: 2. 2012. John Benjamins Publishing Company. Pp. 216–243.

2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsova (ed.). St-Petersburg, 2000. 1536 p.

3. Yotov Ts. *Dialog v obshchenii i obuchenii* [Dialogue in communication and learning]. Sofiya, 1979. 128 p.

4. Lapteva O. A. *Rechevyye vozmozhnosti tekstovoy omonimii* [Speech capabilities of text homonyms]. Moscow, 2009. 416 p.

5. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [About the dialogical speech]. Yakubinskiy L. P. *Izbrannyye raboty. Yazyk i yego funktsionirovaniye* [Yakubinsky L. P. Selected works. Language and its functioning]. Moscow, 1986, pp. 17–58.

6. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 423 p.

7. Yakovleva E. B. Polilog: tret'ya forma rechi? [Polylog: third form of speech?]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. 2007, no. 1, pp. 82–89. See at: <http://cyberleninka.ru/article/n/polilog-tretya-forma-rechi>

8. Labov W. Issledovaniye yazyka v yego sotsial'nom kontekste [Study of language in its social context]. *Novoye v lingvistike. Vyp. VII* [New in linguistics. Vol. VII]. Moscow, 1975, pp. 96–181.

Статья поступила в редакцию 13.10.2016.

FOR CITING

Norman B. Yu. Polylogue: speech reality and literary technique. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 68–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71 (in Russian).